

Часть I

Глава 1

Пятница. Яйцо

Дом был построен давно, еще в 1898 году. Поставили его на суглинке, потому сейчас он осел набок, так что вода, переливаясь через порог приоткрытой двери, пробиралась через спальню и темной полосой по дубовому паркету тянулась все дальше и дальше на запад. Немного отдохнув в выбоине на паркете и дождавшись подкрепления, вода испуганной крысой бежала к плинтусу. Тут ручеек раздваивался — уже две крысы пробирались, каждая в свою сторону, приюхиваясь к плинтусу в поисках пути. И вот одна из них нашла щелку между плинтусом и паркетными плашками. Там лежала монетка в пять крон с профилем короля Улафа¹ и датой — «1987». В прошлом году ее обронил плотник. Времена на дворе были далеко не из худших, да и заказы на мансарды сыпались один за другим, поэтому плотник даже не стал ее искать. Оказавшись под паркетом, вода быстро просочилась еще ниже. Еловые брусья никто не трогал с 1898 года (за исключением, пожалуй, 1968-го, когда перекрывали протекшую крышу), и с тех пор они благополучно рассыхались, так что между двумя из них была уже полусантиметровая

1 Король Норвегии Улаф V (1903–1991). (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

цель. Через нее вода продолжила свой бег на запад, пока не достигла стены. Известковой штукатурке, как и раствору между кирпичами, перевалило за сотню лет. Их замешивал еще Якоб Андерсен, потомственный каменщик и отец пятерых детей. Как и у других тогдашних мастеров норвежской столицы, у Андерсена был свой рецепт приготовления штукатурки и раствора. Рецепт отличала не только известная одному лишь мастеру формула соотношения извести, песка и воды, но и особые ингредиенты: конский волос и свиная кровь. Якоб Андерсен искренне полагал, что волосы и кровь связывают штукатурку и придают ей дополнительную прочность. Коллеги по цеху только качали головами, но Андерсен уверял, что это фамильное изобретение. Его шотландские предки — и отец, и дед — использовали те же добавки, однако кровь брали овечью. И хотя Андерсен отказался от шотландской фамилии, взяв фамилию своего учителя, отвергать шестивековой опыт он не собирался. Некоторые строители считали его рецепт порочным, другие говорили, что это от лукавого, а многие просто над ним смеялись. Возможно, кто-то из последних и сочинил историю, которая в конце концов превратилась в городскую легенду столицы, тогда носившей имя Христиания.

Посыльный из Грюнерлёкки¹ женился на своей кузине родом из Вермланда. Молодые переехали в однокомнатную квартиру на улице Сейльдуксгате, в дом, который среди прочих строил и Андерсен. Их первенцу не посчастливилось: он появился на свет с черными кудряшками и карими глазами. Мать была светловолосой и голубоглазой, ее рев-

1 Г р ю н е р л ё к к и — район Осло. В прошлом — рабочая окраина, ныне — модный квартал, место обитания богемы.

нивый супруг — тоже. И как-то поздней ночью он связал жене руки за спиной, отвел ее в подвал и замуровал. Она стояла, связанная, зажатая двумя стенами кирпичной кладки, которые заглушали ее крики. Муж, наверное, думал, что она там задохнется, но уж о чем о чем, а о вентиляции тогдашние строители умели позаботиться. Наконец бедная отчаявшаяся женщина начала грызть кирпич. И, возможно, она бы и освободилась, потому что шотландец Андерсен, используя кровь и конский волос, считал, что можно сэкономить на более дорогой составной части раствора — извести. Стена стала уступать атаке крепких вермландских зубов. Но жажда жизни была слишком велика — женщина торопилась, и скоро она не могла уже ни жевать, ни глотать, ни сплевывать. Песок, камешки и кусочки обожженной глины забили ей дыхательное горло, лицо посинело, сердце билось все слабее, и вот дыхание остановилось.

Она умерла, как сказали бы многие.

Однако, согласно легенде, несчастная женщина, отведавшая свиной крови, вовсе не считала себя мертвой. Она с внезапной легкостью освободилась от пут, прошла сквозь стену и разгуливает теперь по городу. В Грюнерлёкке есть еще старики, которые с детства помнят легенду о женщине со свиной головой, что бродит по улицам с ножом в руке. И если маленькие дети выходят гулять поздно ночью, она отрезает им голову: ведь, чтобы не исчезнуть вовсе, не развеяться как дым, ей нужно все время ощущать во рту вкус крови.

Немногие, правда, помнили имя каменщика, и мастер Андерсен так и продолжал замешивать свой особый раствор. Построил он и тот дом, по которому сейчас бежала вода, но через три года упал с лесов и умер, оставив потомкам в наследство

двести крон и гитару. А спустя почти сто лет строители начали использовать в цементном растворе искусственные волокна, чем-то напоминающие конский волос, а исследователи миланской лаборатории выяснили, что стены Иерихона упрочнялись кровью и верблюжьей шерстью.

Вода не просачивалась сквозь стену, она струилась вниз. В этом вода схожа с трусостью и иными пороками — все время стремится ниже и ниже, пытаясь достичь дна. Поначалу воду впитывала порошкообразная глинистая прослойка, но она быстро насытилась, и вода побежала дальше, по пути размывая газету «Афтенпостен» от 11 июля 1898 года, в которой сообщалось: в Христиании происходит настоящий строительный бум, и теперь можно надеяться, что прошли золотые деньки для бессовестных дельцов, спекулирующих недвижимостью. А на третьей странице говорилось, что полиция до сих пор не напала на след преступника, заколовшего насмерть молодую портниху. Ее тело на прошлой неделе было обнаружено в ванной комнате. В мае того же года на берегу Акерсельвы нашли изуродованный труп девушки. Почерк преступления был схож, но полиция не торопилась объявлять о связи между этими двумя злодеяниями.

Вода миновала газеты, прошмыгнула под дощатый настил и побежала по обратной стороне натяжного потолка. Потолок отремонтировали после протечки, случившейся в 1968 году; его поверхность была перфорирована, и вода выглядела в эти дырочки любопытными каплями. Они становились все тяжелее, и, когда сила притяжения одерживала верх над силой, удерживающей их на потолке, капли срывались и, пролетая три метра и восемь сантиметров, приземлялись. Вернее, приводнялись.

Вибекке Кнутсен жадно курила сигарету и выпускала дым в открытое окно четвертого этажа. Теплый вечерний воздух поднимался от прогретого асфальта на заднем дворе и подхватывал струйку дыма, быстро таявшую на фоне грязно-голубого фасада. Со стороны Уллеволсвейен слышался шум редких автомобилей. Обычно на этой улице царит оживленное движение, но сейчас, в сезон отпусков, город будто вымер. На подоконнике кверху лапками лежала муха, которой не хватило сообразительности спрятаться от жары. В той стороне квартиры, что выходила на Уллеволсвейен, было прохладнее, но Вибекке не нравился вид из того окна. Кладбище Христа Спасителя, полное знаменитостей. Мертвых знаменитостей. На первом этаже дома находился магазин, где, если верить вывеске, продавались «монументы», а проще говоря, надгробия; маркетологи назвали бы это «близость к рынку».

Вибекке прислонилась лбом к нагревшемуся оконному стеклу.

Поначалу она обрадовалась жару, но радость быстро прошла, и теперь она скучала по прохладным ночам и людным улицам. Сегодня в магазине побывало всего восемь посетителей: пятеро до обеда и трое после. От скуки Вибекке выкурила тридцать сигарет, и, когда позвонил шеф, у нее так бешено колотилось сердце и так сильно болело горло, что она едва могла говорить. Но стоило ей вернуться домой и начать чистить картошку, как курить захотелось снова.

Вибекке бросила эту привычку два года назад, когда познакомилась с Андерсом. Причем он ее об этом не просил. Скорей наоборот. Когда они встретились на Гран-Канарии, он даже стрельнул у нее сигаретку. Так, для смеху. А спустя всего месяц

после возвращения в Осло, когда они начали жить вместе, он чуть ли не сразу заявил, что немного пассивного курения не нанесет вреда их отношениям. И что онкологи наверняка преувеличивают. И что он вскорости привыкнет к запаху дыма от ее одежды. На следующий день она решила бросить. Через несколько дней он сказал за ужином, что давно не видел ее с сигаретой, и она ответила, что всерьез никогда и не была курильщицей. Андерс улыбнулся, наклонился к ней через стол и ласково погладил по щеке:

— А знаешь, Вибекке, я так и думал.

Она услышала, как закипает вода в кастрюле, и посмотрела на сигарету. Оставалось три затяжки. Она сделала первую. Сигарета была совершенно безвкусной.

Она даже и не помнила, когда привычка к ней вернулась. Может, в прошлом году, когда он начал уезжать в долгие командировки? Или после Нового года, когда он чуть ли не каждый вечер стал задерживаться на работе? Может быть, она начала курить, потому что была несчастлива? А была ли она несчастлива? Они никогда не ссорились. Правда, почти и не спали вместе, но Андерс объяснил это непомерной загруженностью на работе, и тема была закрыта. Не то чтобы ей этого сильно не хватало. В те редкие разы, когда они занимались сексом, ей казалось, что он не с ней. А раз так, значит, и ей быть с ним необязательно.

Однако они не ссорились. Никогда. Андерсу не нравилось, когда повышают голос.

Вибекке посмотрела на часы. Четверть шестого. Почему он не идет? Обычно он предупреждал, что задержится. Она погасила окурок, и тот полетел на задний двор. Повернувшись к плите, она посмотрела на картошку. Попробовала вилкой самую большую

картофелину. Почти готова. На поверхности кипящей воды плавали маленькие черные сгустки. Интересно, это от картошки или от кастрюли?

Вибекке попыталась вспомнить, что готовила в ней в прошлый раз, но тут открылась входная дверь. Она услышала в коридоре тяжелое дыхание и шум отлетающих в угол ботинок. Андерс вошел в кухню и открыл холодильник.

— Что? — спросил он.

— Мясная запеканка.

— Ясно... — Интонация вдруг пошла вверх, поставив после слова вопросительный знак.

Она знала, что он имеет в виду: «Снова мясо? А может, почаще готовить рыбу?»

— Хорошо, — сказал он без выражения и склонился над кастрюлей.

— Что ты делал? Ты весь промок от пота!

— Сегодня нет тренировки, и я проехался на велосипеде до Согне-фьорда и обратно. А что это в воде плавает?

— Не знаю, — ответила Вибекке. — Сама только что увидела.

— Не знаешь? А разве ты не училась на повара?

Он молниеносным движением схватил один из сгустков большим и указательным пальцами и попробовал на вкус. Она смотрела на его затылок, на негустые темные волосы, которые поначалу так ей нравились, — подстриженные, ухоженные, зачесанные на пробор. Он выглядел таким надежным, уверенным в себе. Как человек с большими планами на будущее. Причем не только на свое.

— Ну и на что похоже? — спросила она.

— Ни на что, — ответил он, по-прежнему разглядывая плитку. — На яйцо.

— Яйцо? Но я ведь мыла эту кастрюлю... — Она вдруг замолчала, не договорив.

Он обернулся:

— Что такое?

— Смотри, капает. — Она показала на его голову.

Он наморщил лоб и провел рукой по затылку. Потом, будто по команде, они вместе запрокинули головы и посмотрели на потолок. На нем висело две капли. Близорукая Вибекке вряд ли заметила бы их, будь они чистыми и прозрачными, но они такими не были.

— Кажется, у Камиллы потоп, — сказал Андерс. — Позвони ей, а я схожу за консьержем.

Вибекке посмотрела на потолок. И снова на кастрюлю с черными сгустками. Сердце опять забилось в бешеном темпе.

— О господи... — прошептала она.

— Что еще? — спросил Андерс.

— Иди за консьержем, а потом вместе с ним поднимайся к Камилле. Я пока позвоню в полицию.

Глава 2

Пятница. Список отпусков

Из окон Главного управления полиции округа Осло открывается замечательный вид на восточную часть городского центра. Здание управления стоит на возвышенности, которая продолжается грядой холмов, тянущейся от Грэнланна до Тёйена. Оно было построено в 1978 году. Стекло и металл, идеально горизонтальные полы — за это группе архитекторов (Телье, Торп, Осен) вручили диплом.

Когда телемонтер, тянувший кабели в высоких коридорах на седьмом этаже, упал с лесов и сломал позвоночник, он получил не только страховку, но еще и выговор от отца: «Семь поколений твоих

предков были строителями. Мы всю жизнь работали между небом и землей, пока сила притяжения не срывала нас вниз. Мой дед попытался сбежать от проклятия, но оно настигло его по эту сторону Северного моря. В тот день, когда ты родился, я дал себе обещание, что ты избежишь этой судьбы, и думал, что мне удалось его сдержать. Какого черта ты, монтер, полез на высоту шесть метров?»

И вот сейчас именно по тем проводам, которые проложил сын потомственного строителя, сигнал тревоги из кол-центра шел напрямиком на шестой этаж, в отдел по расследованию насильственных преступлений (сотрудники называли его криминальный отдел), в кабинет начальника Бьярне Мёллера. Мёллер в этот момент размышлял: радоваться ему или печалиться, что скоро он со всей семьей будет отдыхать в летнем домике, который они сняли на июль в Осе под Бергеном. Ос в июле означает скорее всего дрянную погоду, но в Осло обещали жару, и Бьярне был не прочь сменить ее на изморось. Однако занять в дождь двух непоседливых сорванцов, имея под рукой только колоду карт, — задача не из легких.

Бьярне Мёллер вытянул ноги, почесал за ухом и, выслушав сообщение, спросил:

— Как обнаружили труп?

— Вода потекла на соседей, — ответил дежурный. — Сосед с консьержем долго звонили в дверь, та была незаперта, и они вошли.

— Придется отправить туда людей.

Положив трубку, Мёллер вздохнул и принялся изучать список личного состава, проводя пальцем по толстому стеклу на столе. Половина отдела отсутствовала. Так бывало каждый год в сезон отпусков. Но жители Осло отнюдь не оказывались из-за этого в большей опасности, потому что пре-

ступники в июле тоже устраивали себе отпуск, отчего на этот месяц в отделе по расследованию насильственных преступлений традиционно приходилась пора затишья.

Палец Мёллера остановился на Беате Лённ. Он набрал номер службы криминалистической экспертизы на Кьёльберг-гате. Трубку не брали. Мёллер дождался, пока сигнал переведут на коммутатор.

— Беата Лённ в лаборатории, — ответил высокий голос.

— Мёллер из криминального отдела. Свяжитесь с ней.

Пауза. Голос принадлежал Карлу Веберу, начальнику службы, теперь уже пенсионеру. Он переманил к себе Беату Лённ из ведомства Мёллера, который расценивал этот случай как подтверждение теории неodarвинистов: единственное стремление индивида — в увеличении числа себе подобных. Вебер, очевидно, полагал, что его и Беаты Лённ генетика сильно совпадают. Конечно, с первого взгляда могло показаться, что между ними, многоопытным брюзгой Карлом Вебером и тихой серой мышкой Лённ, которая совсем недавно закончила полицейскую академию и краснела, стоило с ней заговорить, — нет ничего общего. Но профессиональные гены у них точно были идентичными. Оба принадлежали к тому типу страстных охотников, которым достаточно почуять добычу, чтобы забыть про все на свете, сосредоточить внимание на какой-то технической зацепке, улике, видеозаписи, туманном сообщении, и в итоге они придут к тому или иному заключению. Злые языки утверждали, что Вебер и Лённ нормально чувствуют себя только в лаборатории, а не среди людей, где психологические навыки следователя все-таки важнее, чем следы обуви и частички ниток с одежды.

Насчет лаборатории Вебер и Лённ были согласны, а вот про следы и нитки готовы были поспорить.

— Лённ.

— Привет, Беата! Бьярне Мёллер. У тебя есть время поговорить?

— Нет. А в чем дело?

Мёллер вкратце рассказал о происшествии и дал ей адрес.

— Направлю туда еще пару моих ребят, — добавил он.

— Кого?

— Кого найду. Все же в отпусках. — Положив трубку, Мёллер вернулся к списку.

Указательный палец остановился на Томе Волере.

В графе «отпуск» месяц проставлен не был. Впрочем, этому Бьярне Мёллер и не удивился. Ему порой казалось, что инспектор Том Волер вообще никогда не берет отпусков и почти не спит. Этот следователь был одной из двух «козырных карт» отдела. Все дела в идеальном порядке, все делается вовремя, и отличная раскрываемость. И, в отличие от второго «козыря», Том Волер был человеком надежным, пользующимся всеобщим уважением, с незапятнанным личным делом. В общем, не сотрудник, а пример для подражания. С такими несомненными задатками руководителя Том со временем вполне мог рассчитывать на кресло начальника отдела полиции, которое сейчас занимал Мёллер.

Сигнал пробежал по проводам и зазвенел в телефонном аппарате на другом конце.

— Волер, — откликнулся звучный голос в трубке.

— Это Мёллер. У нас...

— Секунду, Бьярне. Сейчас закончу тут один разговор.

Бьярне Мёллер ждал, барабанил по столешнице пальцами и думал, что Том Волер мог бы стать самым молодым начальником отдела за всю его историю. Хотя иногда Мёллер чувствовал беспокойство, оттого что вся ответственность ляжет именно на Тома. Может, из-за его возраста? Или все-таки из-за тех двух эпизодов со стрельбой? Два раза при задержании инспектор прибежал к оружию, а так как он был одним из лучших стрелков в полиции, оба случая имели летальный исход. Однако Мёллер понимал: как бы парадоксально это ни звучало, истории со стрельбой в конечном счете лишь добавляли Тому шансов на успех. Оружие он применял для самообороны — сотрудники ОСО¹, проводившие расследование, не только не нашли доказательств обратного, но и сделали заключение, что оба раза Том Волер проявил отличную сноровку и умение принимать решения в критических ситуациях. Разве можно дать лучшую рекомендацию кандидату на должность начальника?

— Извини, Мёллер. Мобильный. Чем я могу помочь?

— У нас появилось дело.

— Наконец-то!

Дальнейший разговор длился десять секунд. Оставалось найти еще одного человека.

Мёллер подумал было о следователе Халворсене, но тот значился в отпуске — укатил в родной Стейнкьер.

Указательный палец спускался все ниже: отпуск, отпуск, больничный...

Начальник тяжело вздохнул: он дошел до имени, видеть которое не хотел.

Харри Холе.

1 «Особые следственные органы» (SEFO) — служба по расследованию должностных преступлений.

Одиночка. Пьяница. *Enfant terrible* всего отдела. Но — как и Том Волер — «козырь» шестого этажа. Если бы не это и не развившееся с годами странное пристрастие Мёллера рисковать головой (и начальственным креслом!) ради этого алкоголика, Харри Холе уже давно вылетел бы из полиции. В другой раз Мёллер, может, в первую очередь позвонил бы именно ему, однако сейчас дела обстояли скверно.

Вернее, скверней обычного.

Неприятности начались четыре недели назад. Дело в том, что зимой Харри снова взялся за старое дело об убийстве Эллен Йельтен, своей коллеги и близкого друга, погибшей на берегу Акерсельвы. Ко всем остальным расследованиям он сразу потерял интерес. А ведь дело Эллен давно уже раскрыли. Но у Харри интерес к нему мало-помалу перерастал в манию, и Мёллер, признаться, уже начал беспокоиться за его душевное здоровье. Серьезные неприятности начались месяц назад, когда Харри явился к нему со своими жуткими версиями о заговорах и интригах, но не смог привести ни доказательств, ни сколько-нибудь весомых аргументов в пользу своих фантастических обвинений против Тома Волера.

А потом Харри просто исчез. Через несколько дней Мёллер позвонил в ресторан «Скрёдер». То, чего он опасался, все-таки случилось: Харри снова ушел в запой. Чтобы как-то прикрыть его отсутствие, Мёллер проставил ему неделю отпуска. Потом еще раз. Обычно Харри подавал признаки жизни уже через неделю. А теперь их прошло четыре. Отпуск закончился.

Мёллер посмотрел на телефонную трубку, встал и отошел к окну. Было полшестого, но в парке перед Главным управлением по-прежнему почти

никого не было, если не считать одного-двух домо-рощенных солнцепоклонников, которым жара была ничем. На Грэнланнслейр под навесами сидело несколько лавочников-зеленщиков. Даже машины на улицах двигались медленнее, хотя пробок, разумеется, никаких не было. Мёллер провел рукой по волосам — старинная привычка, от которой, по словам жены, ему следовало избавиться, поскольку некоторым могло показаться, что он все время прихорашивается. Неужели, кроме Харри, никаких вариантов? Мёллер проводил взглядом пешехода, проследовавшего, покачиваясь, к Грэнланнслейр. Подумал, что наверняка тот попробует зайти в «Равнен» и наверняка его туда не пустят. Тогда он пойдет и напьется в «Боксере», где произошел поворот в деле об Эллен и, возможно, в полицейской карьере Харри Холе. Мёллер чувствовал, время поджимает, надо уже решать, что делать с проблемой по имени Харри. Но это все-таки в будущем, сейчас есть более срочное дело.

Мёллер поднял трубку и подумал, что из-за этого чертова сезона отпусков приходится делать Харри и Тома Волера напарниками. Электрический сигнал покинул телье-торп-осеновский памятник порядку и через некоторое время проклюнулся телефонным звонком в царстве полного хаоса — в квартире на Софиес-гате.

Глава 3

Пятница. Пробуждение

Она снова вскрикнула, и Харри Холе открыл глаза.

Между лениво шелестящих занавесок сверкало солнце, с улицы донесся скрежет тормозящего на

Пилестред трамвая, и снова наступила тишина. Харри соображал, где находится. На полу. В своей спальне. Одетый. Пускай и не с иголки. Живой. Ну, по крайней мере, не мертвый.

Лицо было покрыто густой маской пота, сердце стучало легко и часто, как шарик для настольного тенниса на бетонном полу. С головой дело обстояло хуже.

Харри на секунду задумался, размышляя, стоит дышать дальше или нет. Потолок и стены кружились перед глазами — в квартире не было ни картин, ни верхней лампы, чтобы зацепиться взглядом. Где-то на периферии зрения раскачивались резная книжная полка, спинка стула и обеденный стол, купленный в «Элеваторе». Спасибо, хоть сон закончился.

Это был все тот же детский кошмар. Не в силах пошевелиться, словно пригвожденный, Харри старался закрыть глаза, чтобы не видеть ее искаженного лица и губ в неслышном крике. Огромные, пустые глаза в немом упреке. Когда он был маленьким, то видел в этом кошмаре младшую сестру — Сестрёныша, как он ее звал. А теперь вот — Эллен Йельтен. И Харри не знал, что хуже. Ее безгласные крики теперь озвучивали жалобно лязгавшие трамвайные рельсы.

Он лежал и молча смотрел на подрагивающее меж занавесок солнце, повисшее над улицами и домами района Бишлет. Только трамвай нарушал летнюю тишину. Харри, не моргая, смотрел на солнце, пока оно не превратилось в желтое сердце, бьющееся о тонкую голубую сердечную сумку, с каждым ударом выбрасывающее жару. Когда он был маленьким, мама говорила, что дети, которые долго смотрят на солнце, выжигают себе глазки и не видят в жизни больше ничего, кроме солнечного

света. Этого он сейчас и добивался. Чтобы солнечный свет выжег все остальное. Чтобы он больше не видел, как Эллен лежит с разбитой головой на берегу Акерсельвы, а над ее телом склоняется чья-то тень. Тень, которую он три года подряд пытался поймать. И не поймал. Хотя цель была так близка, он не смог довести работу до конца. Как всегда — ничего не смог.

Ракель...

Харри осторожно поднял голову и посмотрел на мертвый черный глаз автоответчика. Он не оживал вот уже несколько недель — с тех пор, как они с Мёллером и начальником криминальной полиции встретились (начкрим, как они называли его для краткости) в «Боксере». Наверное, и этот глаз выжгло солнце.

Черт, как же тут жарко!

Ракель...

Теперь он вспомнил. В какой-то момент лицо во сне стало лицом Ракели. Сестрёныш, Эллен, мама, Ракель. Женские лица. Они сменяли друг друга в пульсирующем ритме сердца и снова сливались в одно.

Харри со стоном уронил голову на паркет. Заметил над собой на краю стола бутылку «Jim Beam from Clermont, Kentucky». Бутылка была пуста. Виски испарилось, улетучилось. Ракель. Он закрыл глаза. Ничего не вернуть.

Он понятия не имел, сколько времени. Догадывался только, что уже слишком поздно. Или слишком рано. В общем, самое неподходящее время, чтобы проснуться. Вернее, чтобы спать. В это время нужно заниматься совсем другим делом. Нужно пить.

В кармане брюк завибрировал мобильник. Он понял: от этого он и проснулся. Как будто ночная

бабочка отчаянно бьет крыльями об освещенное окно. Харри выудил из кармана телефон.

Харри Холе медленно шагал к Санктхансхёуген. Головная боль давила изнутри на глазные яблоки. До указанного Мёллером адреса было рукой подать, и Харри, рассудив, что прогулка прочищает мозги, побрызгал лицо водой, отыскал в бельевом шкафу несколько бутылок, в одной из которых даже нашелся глоток виски, и оправился пешком. Прошел мимо бара «Андеруотер». С четырех до трех. По понедельникам — с четырех до часу. Воскресенье — выходной. Здесь он не был завсегдатаем — любимый «Скрёдер» находился на соседней улице, — но в голове у Харри (как и у большинства алкоголиков) была особая картотека, куда автоматически заносился каждый кабак и график его работы.

Харри улыбнулся отражению в черном окне: «В другой раз».

На углу он повернул направо и пошел по Уллеволсвейен, улице для машин, а не для людей. Привлекательного в ней было мало — разве что тень на правой стороне в жаркие дни.

Заметив нужный номер дома, Харри остановился и посмотрел на здание.

На первом этаже была прачечная с красными стиральными машинами. Листок на двери сообщал, что открыта она с 8.00 до 21.00, цена на сушку снижена — всего 30 крон. Перед одной из работающих машин сидела смуглая женщина и смотрела куда-то в пустоту. Рядом с прачечной красовалась витрина с надгробными памятниками, а еще дальше — над гибридом закусочной и лавки коробейника — зеленая неоновая вывеска «Кебабный двор». Харри оглядел грязный фасад. Краска на старых рамах потрескалась, но, судя по эркерам,

над четвертым этажом располагались новые мансарды, а над недавно установленными звонками возле входной железной двери была камера слежения. Деньги в этом городе медленно, но верно текли с запада на восток. Харри увидел напротив верхней кнопки имя Камиллы Луен и позвонил.

— Да? — отозвался динамик.

Мёллер предупреждал, но Харри все равно вздрогнул, услышав голос Волера.

Он хотел ответить, но голосовые связки не слушались. Кашлянув, он предпринял вторую попытку:

— Холе. Открывайте.

Дверь зажужжала, и Харри взялся за шершавую чугунную ручку.

— Эй!

Он обернулся:

— Привет, Беата!

Рост Беаты Лённ был ниже среднего, волосы короткие, русые, глаза голубые. Не красавица, не дурнушка. Во внешности Беаты Лённ не было ничего, что привлекло бы чье-нибудь внимание. Вот разве одежда — белый комбинезон, похожий на скафандр.

Харри придержал дверь, пока Беата буксировала железные чемоданы.

— Ты только что пришла? — Харри старался не дышать на нее, когда она проходила мимо.

— Нет, надо было вернуться в машину за этим вот барахлом. Мы тут уже с полчаса. Ударился?

Харри потер шрам на переносице:

— Что-то вроде.

Он прошел за ней и очутился на лестнице.

— И как там наверху? — спросил он.

Беата поставила чемоданы перед лифтом и бросила быстрый взгляд на Харри.

— Я думала, твой принцип — «Сначала посмотри сам, потом спроси других». — И она нажала на кнопку вызова рядом с зеленой дверью.

Харри кивнул. Беата Лённ была из тех представителей вида гомо сапиенс, кто запоминает все. Она могла выдать подробности уголовных дел, о которых Харри давно забыл и которые были закрыты еще до того, как Беата поступила в полицейскую академию. Кроме этого у нее была феноменальная память на лица. В свое время она прошла обследование и потрясла психологов этой особенностью. Потому неудивительно, что она помнила все до мельчайших подробностей, что слышала от Харри в прошлом году, когда по городу прокатилась волна ограблений и им довелось работать вместе.

— Да, я предпочитаю доверять собственным впечатлениям, когда впервые оказываюсь на месте преступления. — Харри вздрогнул, когда сверху внезапно гроыхнул лифт, и начал искать в карманах сигареты. — Но я не думаю, что буду заниматься этим делом.

— Это почему?

Харри не ответил. Вытащил из левого кармана джинсов смятую пачку «Кэмела» и выковырял из нее окурок.

— Ах да, припоминаю, — улыбнулась Беата. — Ты же рассказывал весной, что вы собираетесь в отпуск. Кажется, в Нормандию? Везунчик...

Харри сунул бычок в зубы. Вкус — преотвратный. И больной голове это вряд ли поможет. Поможет только одно. Он покосился на часы. «Понедельник — с четырех до часу...»

— С Нормандией не получилось, — сказал он.

— Да?

— Да. И вообще не из-за этого. А из-за того, кому это дело поручено и кто ждет нас наверху. — Он затанулся и кивнул в сторону верхних этажей.

Беата пристально на него посмотрела:

— Да не зацикливайся ты на нем, Харри.

Литературно-художественное издание

Ю Несбё

Пентаграмма

Редакторы А.Воздвиженская, О.Слатинская

Корректоры Н.Соколова, Т.Дмитриева

Технический редактор Л.Синицына

Компьютерная верстка Т.Коровенковой

ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус" –
обладатель товарного знака "Издательство Иностранка"
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус" в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП "Издательство "Махаон-Украина"
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 05.02.2018. Формат 75×100/32.
Бумага газетная. Гарнитура "Журнальная".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,85.
Доп. тираж 7000 экз. В-NUP-19358-06-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО "ИПК Парето-Принт". 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru